

По случаю 21-лѣтней годовщины со дня смерти Т. Г. Шевченки († 26-го февраля 1861 г.).

Т. Г. Шевченко принадлежит къ числу тѣхъ людей, съ именемъ которыхъ неразрывно связано представленіе объ идеалахъ правды и добра, о самыхъ свѣтлыхъ и чистыхъ сторонахъ жизни. Въ его поэзіи и въ особенности въ его прекрасной личности отразилось широкое чувство любви къ міру и людямъ.

Чтобы ознакомиться съ душевнымъ складомъ человѣка, нужно подмѣтить, какъ онъ поступаетъ въ ежедневной жизни, въ узкомъ домашнемъ кругѣ, какъ относится къ природѣ, дѣтямъ, крестьянамъ, языку и пѣснѣ, иновѣрцамъ, домашнимъ животнымъ. Узнавши домашнюю жизнь и обыденное умонастроеніе поэта, легко опредѣлить насколько онъ былъ искрененъ и прямодушенъ въ своей поэзіи, что находится въ ней коренного, вышедшаго изъ глубины творческой души, и что навѣяно со стороны, возникло подъ внѣшними литературными воздѣйствіями.

Шевченко любилъ природу, наслаждался ею, какъ художественнымъ произведеніемъ, и изучалъ ее. Онъ вставалъ съ восходомъ солнца, чтобы видѣть, какъ проснутся и прошумятъ „на добрый день“ высокіе тополи, и птички прощечечутъ свой первый привѣтъ утру. Въ роскошныя украинскія ночи онъ любилъ бродить по двору и садику почти до разсвѣта. Онъ говорилъ, что безчисленныя звѣзды не пускаютъ его въ хату, — все мигаютъ ему, чтобы онъ не спалъ, „разума не засыпалъ“. Случалось, Шевченко просиживалъ цѣлые часы у норки какого-нибудь жучка, изучая его незатѣйливые нравы.

Не менѣе замѣчательно сердечное отношеніе южнорусскаго поэта къ дѣтямъ. Послѣ обѣда онъ въ лѣтнее время обыкновенно выходилъ въ садикъ, ложился лицомъ вверхъ подъ густолиственную яблонь и громкимъ голосомъ сзывалъ къ себѣ ребятишекъ. Послѣдніе набѣгали, безцеремонно взбирались на него, тормозили его за усы, которыми онъ умѣлъ шевелить по кошачьи, словомъ — дѣтски злоупотребляли его добродушіемъ. Во избѣжаніе

крайняго нападенія со стороны маленькихъ мучителей, поэтъ притворно закрывалъ глаза и издавалъ сильный всхрапъ. Дѣти спѣшили уйти, говоря: „Бачъ, хропе, наче коняка. Тикаймо, бо начне брикатця“. Въ большіе праздники Шевченко устраивалъ дѣтямъ „знатное“ угощеніе. Онъ отправлялся въ городъ на рынокъ и накупалъ сластей. Дѣти гурьбой бѣжали на встрѣчу поэту, завидѣвъ его изъ дали возвращающагося домой въ пыли, съ бараньей шапкой, сдвинутой на затылокъ и съ растегнутымъ воротомъ сорочки. Шевченко нарочно дѣлалъ въ бумажномъ мѣшкѣ отверстіе, изъ котораго начинали высыпаться орѣхи, а дѣтвора стремглавъ бросалась ихъ подбирать. Окончательная раздача пряниковъ и орѣховъ производилась на травяномъ коврѣ сельского выгона.

Шевченко не менѣе Н. Гоголя любилъ малорусскія пѣсни. Онъ часто упрашивалъ свою сестру спѣть ему пѣсню про Сагайдачнаго, или „Чайку“. Сестра звенѣла своимъ маленькимъ голоскомъ, обрываясь на высокихъ нотахъ, что однако не мѣшало поэту находить, что она поетъ великолепно. Въ такія минуты онъ не сводилъ глазъ съ ея болѣзненнаго лица и по морщинистымъ щекамъ его тихо катились слезы. Шевченко любилъ не только малорусскій, но и великорусскій языкъ, много писалъ на послѣднемъ, хотя и не все написанное по-русски рѣшался печатать.

Нечего говорить, что Шевченко, вышедшій изъ народа, воспитавшійся на народномъ словѣ, преданъ былъ крестьянству всей душой и глубоко скорбѣлъ его несчастіями. Самое свое поэтическое слово онъ посвятилъ народу и поставилъ его стражемъ истинно-народныхъ интересовъ. Какъ возмущали благородную душу поэта грубости и жестокости, порожденныя крѣпостной зависимостью крестьянъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Разъ въ Лубнахъ пришолъ Шевченко въ гости къ одному помѣщику, по приглашенію. Въ передней слуга дремалъ на скамейкѣ. Хозяинъ замѣтилъ это и разбудилъ его ударомъ, не стѣсняясь присутствіемъ гостя. Шевченко покраснѣлъ, надѣлъ шапку и ушолъ домой. Никакія просьбы не могли заставить его возвратиться.

Не смотря на коренную національную антипатію малороссовъ къ евреямъ, Шевченко къ послѣднимъ относился благодушно. Однажды, онъ проѣзжалъ черезъ Прилуки. Загорѣлась еврейская лачуга. Шевченко бросился спасать имущество погорѣльцевъ, а послѣ пожара упрекалъ собравшихся малороссовъ, доказывая, что человѣкъ въ бѣдѣ и нуждѣ, какой бы ни былъ онъ націи, какую не исповѣдывалъ бы религію, дѣлается намъ самымъ близкимъ братомъ.

Къ животнымъ южнорусскій поэтъ былъ безгранично жалостливъ. При видѣ истязаній кошки, собаки или домашней скотины онъ всегда заступался или усовѣщевалъ мучителей, особенно если это дѣлали, по неразумію, ребятишки *).

Понятно, что человѣкъ съ такимъ золотымъ сердцемъ, долженъ былъ при художественномъ творческомъ дарованіи создать истинно прекрасныя произведенія, и Шевченко дѣйствительно написалъ много такого, что сдѣлало его имя дорогимъ не только въ Малороссіи, но и во всемъ славянскомъ мірѣ. „Поэзія Шевченка, говоритъ Н. И. Костомаровъ, — поэзія цѣлаго народа, но не только та, которую самъ народъ уже проиѣлъ въ своихъ безыменныхъ твореніяхъ, называемыхъ пѣснями и думами, это такая поэзія, которую народъ самъ долженъ былъ бы запѣть, если бы съ самобытнымъ творчествомъ продолжалъ далѣе пѣть непрерывно послѣ своихъ первыхъ пѣсенъ; или, лучше сказать, это была та поэзія, которую народъ дѣйствительно запѣлъ устами своего избранника, своего истинно-передового человѣка. Такой поэтъ, какъ Шевченко, есть не только живописецъ народнаго быта, не только воспѣватель народнаго чувства, народныхъ дѣяній; онъ — народный вождь, возбудитель къ новой жизни, пророкъ“.

Н. Сумцовъ.